

Глаголица

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ
2009

ГАЗЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Электронная версия газеты в Интернете: www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

БРАТСТВО КОЛЬЦОВА

В Пушкинской гостиной прошел круглый стол, посвященный 200-летию поэта

2

О. В. Синёва

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ,
ЦЕНТР БАЛТИСТИКИ!

Количество интересных встреч и событий, происходящих в Пушкинской гостиной, год от года растет по экспоненте. Ныне фактически каждую неделю здесь проводятся круглые столы, встречи с известными писателями, поэтические вечера и ЛИТО. Хозяйке гостиной, Ларисе Степановне Логахиной, удалось создать удивительную, очень теплую и дружественную атмосферу. Бредешь, как Мармеладов, по коридору, увидишь стенд возле Пушкинской с объявлением о чем-нибудь интересном, и на душе становится радостно: человеку безусловно есть куда идти.

Но круглый стол, прошедший 29 октября и посвященный 200-летию со дня рождения Алексея Васильевича Кольцова, уверен, запомнился его участникам как особенно яркое событие. В мероприятии, подготовленном профессорами кафедры истории русской литературы Валентином Александровичем Недзвецким и Александром Андреевичем Смирновым, была своя драматургия. Научные доклады организаторов, а также С. В. Алпатова, В. А. Ковпика, А. В. Степанова сменялись пением романсов на стихи Кольцова и чтением его лирики. Это создавало прекрасную иллюзию, что поэт – близок, постигаем. Вырисовывался объемный образ Кольцова, чей голос звучит рядом, будто и не было этих столетий.

...Скажу честно, вплоть до круглого стола воронежский самородок казался

мне личностью в русской литературе второстепенной: ну, «народный», ну, пахари, ну, рожь... Лишь в этом разнообразии прочтений, оценок, интерпретаций стало понятно, что подобное восприятие – скорее, проблема моей дремучести, чем самого Кольцова-классика. Как поведала Е. Ю. Зубарева в сообщении «Стихи А. В. Кольцова в современной школе», сегодня не существует универсальной школьной программы, и зачастую стихи поэта в учебники и хрестоматии вообще не включают. (Быть может, я тоже испытал на себе издержки школьной литературной табели о рангах, – там, на заре туманной юности?)

...И все же слово Кольцова живо. Об этом свидетельствует хотя бы то, как искренне и как по-разному звучали его стихи в исполнении Елены Румянцевой, Натальи Лузановой, Марии Чистяковой, которым удалось показать нежную, лирическую сторону дарования «русского Бернса».

Мужественную мощь кольцовской поэзии выразил Шамиль Алиев, который, в хорошем смысле слова, пафосно продекламировал «Военную песнь», а потом, читая стихотворение «Жизнь», столь же органично перевоплотился в поэта-скептика, размышляющего о бренности бытия и мнимости знаний:

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной;
Одни познания взяли мы легко,
Другие – силою упорной...

Но все ж успех наш невелик.
Что до преданий? – мы не знаем.
Вперед что будет – кто проник?
Что мы теперь? – не разгадаем.

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили –
И мы живем – и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

Нина Николаевна Закутаева (Студия художественного слова МГУ) своим мастерским чтением помогла прочувствовать в стихах Кольцова то, что Салтыков-Щедрин, говоря о них, называл «жгучим чувством личности».

Как заметил заведующий кафедрой истории русской литературы профессор Владимир Борисович Катаев, украшением вечера стало выступление певца Федора Тарасова под фортепьянный аккомпанемент Алексея Нестеренко – богатое, сильное, щедрое на эмоции. Также стихи и песни Кольцова исполнили аспиранты и стажеры из Таиланда, Южной Кореи, Китая, – подопечные Марии Михайловны Верейтиновой и Елены Викторовны Балдиной.

Поэзия Кольцова – глубоко национальная и одновременно универсальная – в этот вечер объединила всех, подарила присутствующим чувство вдохновения и радости.

Текст Федора Ермошина
Фото А. В. Архангельской,
Е. В. Тушикиной

3

In Memoriam

АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ
ПЕСКОВ

4

Екатерина Крюк
Д. БЫКОВ: ГАМСУН
СРЕДИ «КИТОВ»
XX ВЕКА

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ЦЕНТР БАЛТИСТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА!

В новом 2009/10 учебном году на отделении «Современные западноевропейские языки и литературы» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова начала свое обучение еще одна группа студентов – «11-я литовская». Пять абитуриентов г. Москвы и Московской области выбрали сво-

ей специальностью «литовский язык и литературу», и центр баллистики был готов принять их. В программу обучения также входит изучение второго иностранного языка – немецкого, древних старославянского и прусского языков, литовских и латышских живых диалектов.

Прошел год с момента учреждения проф. М. Л. Ремнёвой центра баллистики на филологическом факультете. Год промелькнул незаметно и прежде всего потому, что был насыщен событиями, воспринимаемыми с особым волнением и иногда тревогой: получится ли то, что задумано...

Очевидно, есть особый знак в том, что первый год жизни новой структуры филологического факультета – центра баллистики – проходил в год празднования тысячелетия Литвы.

Центр баллистики принял участие в организации и работе научных конференций, проводимых факультетом. Весной 2009 года в рамках международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире», который собрал более 500 исследователей со всего мира, впервые прошел круглый стол «Балтия – центр межкультурных и межъязыковых контактов». Присутствовало 16 участников. Кроме того, коллеги из Литвы и Латвии имели возможность присоединиться к участникам круглого стола с использованием возможностей видеосвязи с помощью интернета. Большая заинтересованность участников круглого стола была проявлена к вопросам речевого поведения литовцев и латышей в современном обществе.

Впервые в истории международных конференций молодых ученых «Ломоносов» в апреле 2009 г. на филологическом факультете работала подсекция по баллистике «Балтийские языки: грамматика, семантика, прагматика». Было прочитано шесть

докладов, в основном на литовском материале. В ходе заседания также использовалась видеосвязь. Коллеги из Института литовского языка АН Литвы (Вильнюс) сделали очень интересные сообщения. Порадовал не менее высокий уровень выступлений молодых исследователей-литуанистов из Москвы. Виртуальный контакт не уменьшил оживленность дискуссии и дал новый импульс развитию научных связей.

Центр баллистики инициировал исследовательский проект «Речевое поведение литовцев, проживающих в г. Москве». Проект выполняется совместно с кафедрой литуанистики Вильнюсского университета и поддерживается Министерством образования Литовской Республики.

Литовский и латышский языки становятся очень популярными не только на филологическом факультете МГУ. Кропотливый каждодневный труд по обеспечению учебного процесса также принес свои плоды. Сейчас на факультете литовский язык преподают О. В. Синёва, В. Каладите, а латышский – Е. В. Нечипоренко. В минувшем учебном году студенты-индоевропейцы могли изучать

Центр баллистики принимает активное участие в жизни университета. Так, 11 октября на состоявшемся в нашем университете IV Фестивале науки О. В. Синёва прочитала научно-популярную лекцию «Балто-славянское единство: вчера, сегодня, завтра», сопровождавшуюся фрагментами фильмов, этнографических материалов, а также инсценировкой в исполнении студентов-литуанистов, посвященной языковым и культурным контактам. Все это позволило создать атмосферу живого общения.

С большим неподдельным интересом к жизни филологического факультета, в частности центра баллистики относятся Чрезвычайный и Полномочный Посол Литвы Антанас Винкус, Чрезвычайный и Полномочный Посол Латвии Эдгардс Скуя, атташе по культуре Посольства Литовской Республики в РФ Юозас Будрайтис.

Тесный контакт факультета с посольствами Литвы и Латвии способствует развитию литуанистики и летонистики. Так, Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»

оба балтийских языка. Литовский язык преподается и в Школе юного филолога в рамках семинара «Введение в балтийскую филологию». В нынешнем, 2009/10 учебном году, на курсах иностранных языков филологического факультета открыта группа для желающих изучать литовский язык на платной основе. Группа из 9 человек уже сформирована, но заявки еще поступают. Мотивация самая неожиданная: кто-то влюбился в народные песни, кто-то отдыхал в Друскининкай и увлекся литовским языком. Кто-то является специалистом в определенной области и хочет изучить язык, с тем, чтобы преподавать свою дисциплину в Литве, а у кого-то в Литве бизнес... Балтийские языки также преподаются на историческом факультете, на факультете телевидения.

вместе с многими послами славянских стран приветствовали Чрезвычайные и Полномочные Послы Литвы и Латвии Антанас Винкус и Эдгардс Скуя. Большой интерес вызвали доклады круглого стола у Второго секретаря Посла Латвии Йоланты Скрупской и Третьего секретаря Посла Литвы Виктория Урбанавичюте.

Работа филологического факультета, в частности центра баллистики способствует развитию международных связей, сохранению наследия Литвы, Латвии и России, укреплению всесторонних контактов между нашими государствами. В мае 2009 г. МГУ имени М. В. Ломоносова посетила делегация ректоров различных вузов Литвы. Так, ректор Вильнюсского педагогического университета проф.

Альгирдас Гайжутис в беседе с деканом филологического факультета проф. М. Л. Ремнёвой выразил свои пожелания о тесном сотрудничестве и внес конкретные предложения по развитию научной и образовательной деятельности, обмену студентами и преподавателями.

Летом 2009 г. студентки второго курса филологического факультета К. Харитоновна и А. Катаева, освоившие литовский язык в аспекте индоевропейистики, учились на летних языковых курсах в г. Вильнюсе (Вильнюсский университет).

В сентябре 2009 г. О. В. Синёва, руководитель центра баллистики, приняла участие в курсах повышения квалификации преподавателей литовского языка на кафедре литуанистики Вильнюсского университета.

Участие филологического факультета в культурных программах, организуемых посольствами Литвы и Латвии, способствует укреплению нашего сотрудничества. 2009 год особенный для Литвы. Это год празднования тысячелетия страны, которая впервые упоминается в одной из средневековых западных хроник – анналах Кведлинбурга. В Москве Посольство Литовской Республики организовало много различных мероприятий, которые могли посетить все желающие, основываясь на информации сайта центра баллистики: <http://www.philol.msu.ru/~baltistika>.

В октябре 2009 г. прошел Международный фестиваль моноспектаклей «Solo» (в Театральном центре СТД РФ «На Страстном»), в котором Драматический театр имени Эгидиуса Раджюса (Литва, Кретинга) поставил моноспектакль по мотивам произведения Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Синхронный перевод спектакля осуществила О. В. Синёва.

Таким образом, реализуются основные цели деятельности центра баллистики: поддержание и развитие научных традиций МГУ имени М. В. Ломоносова в области баллистики, профессиональная подготовка студентов, подготовка научных кадров и повышение их квалификации; развитие сотрудничества в области баллистики между учеными и научными организациями России, Литвы и Латвии; популяризация научного знания в области баллистики, организация просветительской деятельности среди школьников, молодежи, и всех тех, кого интересуют литовский и латышский языки, литературы, культуры.

Таков закономерный результат первого года деятельности новой структуры филологического факультета – центра баллистики.

Текст О. В. Синёвой, к. ф. н.,
руководителя центра баллистики
филологического факультета
Фото Е. В. Тупикиной

«И НЕ КРОПИМ ВОДОЙ ЗАБВЕНЬЯ...»

Алексей Михайлович Песков

Когда с полок всех шкафов смотрят книжки, подаренные, отданные или написанные А. М., когда все ящики стола завалены папками распечаток с бесконечной карандашной правкой его мелким-мелким и ужасно знакомым почерком, когда в телефоне так легко прочесть кучу смс от отправителя Peskov, очень трудно представить себе, что в том же телефоне уже не раздастся его голос и я не обрадуюсь: «Ой, здравствуйте, Алексей Михайлович...».

Мне всегда нравилось вспоминать его первую лекцию на нашем втором курсе. Вторник, 7-я поточная, середина дня, все сидят, галдят, как и полагается, – тут входит как-то замечательно улыбающийся человек, с рюкзаком, в летней куртке, еще раз хитро улыбается: «Второй курс?» – все кивают, он подходит к доске и пишет – мелко, старательно и с удовольствием.

«Меня зовут так», – говорит. И все еще довольно прилежно переписывают: Песков Алексей Михайлович. А он, продолжая улыбаться, дальше пишет на доске. «Вот мой телефон, если меня дольше 15 минут нет – звоните мне в карман. Запомнить очень просто: начало легко, а дальше: восшествие Екатерины – рождение Александра – покорение Крыма». И объяснение, и телефон я с тех пор так и помню, жалко, что теперь не позвонить...

А дальше он стал рассказывать – легко, весело и невероятно остроумно – про поэзию классическую и романтическую, про Кюхельбекера и стихотворцев старой школы, про то, какой он, XVIII век, важный и интересный, про соревновательность и сакрализацию... Подробностей больше и не припомнить, но вот что было невероятно увлекательно и весело – вот это совершенно точно. И так было всегда – и про весь XVIII век, и про русскую культуру на 4-м курсе – чуть ли не единственный предмет, куда определенно ходили с удовольствием и в удовольствие.

Тогда же, на 2-м курсе, довелось послушать редкое и замечательное – спецкурс про западников и славянофилов. Это потом, в теперь почти пустой читалке первого ГУМа, будут пристально конспектироваться «Вопросы философии» с «Шеллингианскими таинствами любомудров» и «Германским комплексом славянофилов», это еще потом мы с друзьями повезем в Питер пачку «Русских идей и русских душ» и будем, сидя в бистро рядом с Публичкой, имитировать по просьбе

автора дружественный инскрипт. А тогда оставалось только внимательно слушать, пристально записывать и бесконечно восхищаться редким умом и даром слова всегда улыбочивого лектора.

Но главное все-таки был семинар. С него на самом деле начиналось все серьезное. С семинара А. М. для меня – и точно не для меня одной – началась Филология, Наука, Научная работа. Мы читали и обсуждали очень разное и по-разному важное: Потемнину и Сепира-Уорфа, Тарановского и Гаспарова, Куна и Фуко, Бахтина и формалистов – да и кого мы только не успели прочесть за те пять лет семинара, которые были на моей памяти. Мы научились ходить в библиотеку, научились читать много, читать трудное и не просто пересказывать это трудное, но и говорить, что мы по поводу этого трудного думали. А. М. приглашал к нам разных замечательных людей, которых в университете было почти невозможно услышать, о которых иначе, может быть, и не случилось бы узнать. А они приходили – энергичные, увлеченные своим делом, с ними можно было поговорить, их можно было спрашивать. Возникло редкое ощущение, что вот она – реальная научная жизнь и ее участники, и очень сразу же хотелось тоже постараться к этой жизни приобщиться.

Для этого нужно было, конечно, дело. И вот по части увлечь делом А. М. равных не было. Для того, чтобы написать нечто достойное посвящения ему, казалось, нужно совершить что-нибудь действительно

решительное: записаться на 2-м курсе в Ленинку, перечесть несколько лет «Вестника Европы», сличить все известные русские переводы Делилевых «Садов», сочинить пререкзкую рецензию на нововышедшую книжку маститого ученого. А он всегда гениально умел ободрить: улыбнуться и сказать: «Очень складно вы все пишете! А что будет дальше?» – или просто написать под изрядно исчерканной им статьей: «Ох!»

И у нас было большое общее дело: БОРАТЫНСКИЙ. А. М. как-то умел просто сказать: а теперь вы вот будете готовить текстологические комментарии к III тому собрания сочинений. И в ответ на это можно было только пойти их готовить. Это только поначалу, конечно, пойти – в Ленинку и Фундаменталку, а потом неизбежно поехать – в Пушкинский Дом. И все это хотелось делать, чтобы можно было порадовать его какими-нибудь открытиями чудными – а им он всегда замечательно радовался.

Когда я только начинала присматриваться к поэту Боратынскому на 2-м курсе, я сочинила небольшую заметку про известный финал «Запустения»:

*...Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую бессмертную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной сени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу.*

И теперь мне хочется думать, что так когда-нибудь и я, и я встречу дорогую мне тень...

Текст Алины Бодровой
Фото Н. Четвериковой

АЛЕКС СЭНДОУ

ОТРЫВКИ ИЗ АНОНИМНОЙ ОДЫ НА СЧАСТИЕ

О свобода! Звук этого слова
Способен исторгнуть слезы счастья!
Почти сладострастный, голос её
Исполняет грудь трепетом,
И душа готова обнять всю даль
Простирающихся пред взором пространств.
Воздух, весенний и чистый, врывается в тело,
Делая его легким и упругим;
Улыбка сама движется на устах,
А глаза источают светлые лучи!

Конечно, кто говорит! конечно,
Остаются еще сотни обстоятельств,
От которых зависит в будущем все...
По-прежнему, что спорить! по-прежнему
Тягчат душу неизбывные печали,
Навсегда погруженные в ее глубины.
Как и всегда, увя! как и всегда
Всепроницающая и всеуничтожающая мысль
Будет выжигать из сердца все живое,
Ледяным хладом мертвить всякое упование.

Но не сейчас! Молю с тоскою,
Только не сейчас. Пусть после, но не ныне
Я скажу сам себе, что нет в жизни воли,
Способной порвать цепь обязанностей,
Что судьба накладывает узы
На ничтожнейшие сердечные прихоти,
Что любовь делает человека рабом,
Превращая его в заботливую машину,
Что дом, построенный собственными руками, –
Это не только спасительный приют, но и тюрьма.

Пусть после, когда волосы мои побелеют,
Когда, укрывшись от невзгод в тихий свой дом,
Поставленный на пологом холме среди сосен,
Я буду возделывать свой сад и повторять
Вослед мудрецам, что ближнее поле заменяет мне мир
И что идиллия не терпит свободы воли,
Зная только возврат из странствий далеких
По равнодушной чужбине в угол
Чистых трудов и нег средь высоких
Сосен да меж огородных пугал.

Пусть после, когда я захочу сказать –
Не втихомолку, а вслух – свое свободное слово,
Я увижу перед собой холодно-серые,
Цвета гранитной набережной Невы,
Глаза соглядатая за моей нравственностью,
Облеченного важными полномочиями.
Он процитирует: «Свобода есть позволение
И навык памяти о твоей неволе».
А от себя добавит: «Свобода без ограничений
Есть крайность, разврат и цинизм».

Что нужды до невежд и глупцов из будущего!
Что нужды до всего вообще, когда сейчас –

С
В
О
Б
О
Д
А
!

Да, справедливее было бы написать:

С
В
О
Б
О
Д
А
С
В
О
Б
О
Д
А
О
Д
А

Ибо из плюса и минуса и их воплощений –
Креста и пути – состоит бытие...

О свобода! Как в лес зеленый из тусклой тюрьмы,
Как от вековых суровых финских гранитов
В благоуханную степь дивно перенесенный,
Счастлив, кто мог, дыша полной грудью, сказать:
«Что с нею, что с моей душой? с ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит, летает в небе с ней!
Зачем так радуется ее и солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий, на пире их она?
Что нужды! счастлив, кто на нем забвенью мысли пьет,
Кого далеко от нее он, дивный, унесет!»

А. М. Песков. Боратынский. Истинная повесть.
М.: Книга, 1990. С. 290–292.

В настоящее время готовится к изданию сборник, посвященный памяти А. М. Пескова. Если у вас сохранились конспекты лекций, дружеские инскрипты или фотографии Алексея Михайловича, вы готовы поделиться своими воспоминаниями о нем, просим высылать материалы на адрес: fermoshin@mail.ru (Федору Ермошину).

Д. БЫКОВ: ГАМСУН СРЕДИ «КИТОВ» XX ВЕКА

6–8 октября 2009 года при поддержке Королевского Посольства Норвегии и Московской писательской организации СП РФ, а также при участии Библиотеки и Норвежского информационного центра, МХТ и Музея МХАТА в Москве проходили «Дни Гамсуна». В рамках этого события состоялось много встреч с интересными исследователями и просто любителями творчества классика норвежской литературы XX века. Один из приглашенных гостей, писатель Дмитрий Быков, попытался разносторонне представить жизнь и художественное наследие Кнута Гамсуна, разобраться в его политических взглядах, отношении к женщинам, к природе, в его музыкальных пристрастиях, утопических настроениях. По мнению Быкова, норвежского писателя можно сопоставить с его знаменитыми современниками, в частности, с Максимом Горьким и Томасом Манном. Предлагаем вашему вниманию отрывки из выступления Дмитрия Быкова, записанные и обработанные Екатериной Крюк.

– Мне бы хотелось сосредоточиться вот на чем: русская литература знает весьма своеобразный ответ Гамсуну в лице романа Андрея Белого «Серебряный голубь». К сожалению, эта параллель пока толком не исследована, но вот об этом мне и хочется поговорить. Мы живем в очень интересной точке бифуркации. Долгое время все мировое литературоведение полагало, что XX век литературно стоит на трех китах – это Джойс, Пруст и Кафка. Дальше выяснилась странная вещь: что все эти три автора вне контекста 70-х годов, когда они были на пике моды, совершенно не читабельны. Некоторое исключение составляет, безусловно, Кафка, некоторые могут еще любить Джойса, во всяком случае, первую половину «Улисса», но те, кто целиком бы прочел сегодня Пруста, воспринимаются уже как герои труда. Поэтому мы постепенно привыкаем к трем другим китам, на которых в действительности стоял XX век и которые наиболее болезненным образом его отразили и преломили. Это Максим Горький, Томас Манн и Кнут Гамсун. Это троица высоких усатых очкастых людей, чрезвычайно похожих даже внешне и очень похожих биографически, невероятно похожих главным образом по тем общим темам, которые они рассматривали. Это прежде всего, конечно, распад патриархального уклада, это ответ на модернистские вызовы (у всех троих абсолютно разные), и, самое главное, – что все трое они олицетворяют три позиции классического интеллигента перед главным вызовом XX века: Гамсун – это архаический ответ, идеализация архаики, уход в природу от культуры, в конечном итоге, антикультурные, антипрогрессистские и, как оказалось, тесно связанные с

ними антисемитские позиции. Что касается Горького, он демонстрирует второй вариант – вариант модернистского ответа на те же вызовы. Патриархальная жизнь умирает, человек нуждается в пересоздании, его нужно пересоздать с нуля, заново предстоит создать и Бога, заново предстоит создать культуру. Бог – явление, прежде всего, культурное и в некотором смысле прогрессистское. Он предназначен для ограничения животного инстинкта. С той же силой, с какой Гамсун устремляется в природу, Горький устремляется прочь. С той же силой, с какой Гамсун обожает сельский уклад жизни, восхищается почвой, умиляется крестьянским трудом, с той же силой Горький ненавидит крестьянство, он своего рода негатив Гамсуна. И, если в свое время они восторженно отзывались друг о друге, более того, об их сходстве восторженно писал Куприн, читатель обоих и их современник, трудно представить себе более жесткую оппозицию. Фактически Гамсун даже внешне – негатив Горького, абсолютный, законченный. И отсюда страсть Горького, несколько детская, собирательская, страсть интеллигента в первом поколении к культуре, к ее вещественным образцам, к китайским вазам, хорошо изданным книгам, ко всему, что так оттолкнуло Гамсуна. Кстати, весьма интересно преломить их отношение к женщинам, потому что если для Горького, например, женщина не просто олицетворение морали, но новое божество (не случайно мать идет на смену жестокому богу-отцу и, добавим от себя, богу-сыну Павлу Власову, который идет в каторгу), то в мире Гамсуна женщина, как гениально сказано в «Страннике, играющем под сурдинку», это существо с детской наивностью и безответственностью, но без детской чистоты. По существу проза Гамсуна глубоко женофобна. Это ясно видно и в «Пане», это достаточно отчетливо прослеживается, я думаю, и в «Мистериях». Будучи в жизни своей практической большим сторонником женолюбия, в прозе он остается последовательным сторонником мужского подавляющего, доминантного начала. Женщина – это существо обманчивое, лживое, предающее, в общем, это, к сожалению, достаточно заметная тенденция во всей скандинавской литературе.

Два главных вызова XX века, по блестящей характеристике Сергея Аверинцева, скомпрометировали ответы, выяснили вопросы. То, что произошло в XX веке, показало опасность пути Гамсуна, пути в архаику, пути прочь от культуры, поскольку этот путь обожествления приводит к своеобразному неоязычеству, к своеобразному магизму, в конечном итоге – фашизму, поскольку фашизм – это как раз и есть задержавшийся средневековый культ. Скажу вам как истинный сторонник простого примитивного советского пат-

риотизма (будучи рожден в СССР, я продолжаю оставаться его носителем): я абсолютно убежден в том, что нельзя ставить на одну доску фашизм и коммунизм, хотя бы потому, что фашизм и коммунизм – это два абсолютно разных учения. Коммунизм основан весь на модернистских терминах, модернистских увлечениях и модернистских надеждах. Модернизм советской власти несомненен, по крайней мере, до 1934 года. Что касается фашизма, то это, по гениальному определению Умберто Эко, явление, базирующееся на двух абсолютно неизбежных столпах: это архаизм, архаическая идеализация и эклектика. Так вот, эта эклектическая архаика позднего Гамсуна, на мой взгляд, достаточно убедительно, последовательно и твердо приводит его к фашизму, точно так же, как идея Горького ревизии культуры и ревизии нового человека приводит его к столь же последовательному сталинизму. Это две похожие дороги, в эстетическом отношении похожие, но они ведут в два совершенно противоположных угла.

Проблема в том, что третий вызов, вернее, третий вариант поведения олицетворяется только Томасом Манном. И именно Томас Манн, второй Нобелевский лауреат из этой тройки, олицетворяет собой единственно возможный выход, как, к сожалению, как я должен сказать, Христос между этих двух разбойников (кстати, весьма похожий на них внешне, столь же высокий, очкастый, усатый, столь же обожавший музыку Грига. Особенно интересно, кстати, что из всех европейских композиторов Горький, начисто лишенный музыкального слуха, любил только Грига. Здесь есть какая-то роковая дьявольщина, что именно Григ был любимцем у всей этой троицы). В романе «Доктор Фаустус», вероятно, лучшим романе Томаса Манна, который, конечно, превосходит чудовищно многословную «Волшебную гору» и мучительно многословную опять-таки и скучную Тетралогию, в «Докторе Фаустусе», конечно, в Ливеркуне во многих отношениях угадывается Гамсун, человек, который в поисках сильных чувств, в поисках великих страстей, ушел глубоко в прошлое и в конечном итоге продался древнему, языческому страшному духу, который там сидит; тому самому дьяволу, который одновременно соблазнял Кнута Гамсуна и Луи Фердинанда Селина, многих, многих еще. Так вот, ответ Томаса Манна, который он дает, заключается в современной культурной, религиозной парадигме. Как ни ужасно это звучит, это попытка создать христианство с человеческим лицом, хотя оно и так достаточно человеческое. Это попытка выстроить некоторое культурное христианство, которое было бы единственно возможным ответом на кошмар безверия, на кошмар восстания масс. По сути, это не предполагает ника-

кой социальной утопии. Никакого социального идеального строя, который мог бы построить Томас Манн, я себе не представляю. Если я отчетливо представляю себе сельскую утопию Гамсуна и урбанистическую утопию Горького, – одинаково чудовищные, – я не могу себе представить идеальный мир для Томаса Манна: я вижу только стол, кресло и камин. Но, может быть, это и есть единственно осуществимая утопия, потому что, в конце концов, и человек Гамсуна, и человек Горького рано или поздно проваливаются, как в болото, в свою личность. А человек Томаса Манна в этой личности находит источник спасения.

Ну, и в заключение сказал бы я о том, что «Серебряный голубь» уже тогда, будучи прямым ответом Белого на утопию Гамсуна, показал, чем эта утопия заканчивается. Александр Эткинд в своей замечательной книге «Хлыст» трактует героя, а именно лейтенанта Глана и Дарьяльского у Белого, как слабого человека культуры. Смотрим, как излагает эту коллизию, абсолютно типичную для начала XX века, Эткинд: «Дарьяльский уходит: из города в деревню; от атеизма интеллигенции – к апокалиптической вере и древним обрядам; от невесты с баронским титулом – к вульгарной любовнице. Все это он делает как свободный человек, от собственных чувств и желаний. Он создавал культуру – теперь принадлежит природе, был богатым – стал бедным, занимал место в структуре – теперь растворяется в бесформенной общине. Он сполна реализует программу, которую проповедовало несколько народных поколений, русской идеи, и с ним происходит то, что всегда до и после него происходило с его единомышленниками: он гибнет от презрительной руки тех, ради которых принес все свои жертвы». Эта ситуация, точно описанная в «Серебряном голубе», в конце концов, случилась с русской интеллигенцией. И именно поэтому для нее так важен и опыт Гамсуна, и опыт Горького, и единственно спасительный, в конце концов, опыт Томаса Манна, к которому, я верю, она и придет.

В заключение я хотел бы сказать вот что: в свое время и достаточно долго мы судили писателя по итогам его жизни. И в этом смысле, конечно, карьера Гамсуна закончилась трагическим фиаско. Но, как любил повторять Александр Мень, «если бы не воскресение, земная карьера Христа закончилась бы полным крахом». Полный крах великой жизни бывает поучительнее, чем триумф жизни безошибочной. Великая ошибка Гамсуна и великий путь Гамсуна, повесившего за собой табличку «Сюда не ходи», для культуры XX века, думаю, гораздо более значима, чем все положительные и здравые достижения трусов, которые не пошли туда, не упали в эту бездну и не оставили никакого следа в истории человечества.

Глаголица

Газета филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Электронная версия газеты в Интернете:
www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

Редколлегия: А. Холиков (административные вопросы), Ф. Ермошин (поэзия), Г. Майоров и Л. Головина (проза, публицистика, критика, библиография), О. Кочеткова (корректурa, верстка).

Студенческий редсовет: М. Власова, Л. Жданова, Е. Крюк, М. Полякова.

Авторы: Ф. Ермошин, О. В. Синёва, А. Бодрова, Е. Крюк.

Благодарим за возможность издавать газету декана филологического факультета проф. М. Л. Ремнёву. **Благодарим за помощь в подготовке номера** Е. Г. Домогацкую, Ю. Н. Симоненко, А. В. Архангельскую, Е. В. Тупикину, Н. Четверикову.

При перепечатке ссылка на газету «Глаголица» обязательна.

Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Некоммерческое издание. Тираж 500 экз.

Подписано в печать 30.11.2009.

Отпечатано в типографии ордена

«Знак Почета» Издательства Московского университета. 119991, Москва, ул. Академика Хохлова, 11. Заказ